

ДМИТРИЙ КОТОВ

Б Р А Н А

ИНИЦИАЦИЯ ФИГУРЫ

БРАНА

Дмитрий Котов

Инициация фигуры. Серия Брана

«Автор»

2025

Котов Д. В.

Инициация фигуры. Серия Брана / Д. В. Котов — «Автор»,
2025 — (БРАНА)

Иногда чтобы идти вперёд, нужно завершить прошлое. Даже если оно ждёт тебя на краю галактики. Новая миссия полковника Като на планету Иврил. Там, на «живой» станции, осталось незаконченное дело — его личное и всего человечества. Пробуждается древний разум планеты, а политические враги хотят использовать это как оружие. Като возвращается, чтобы наконец закрыть гештальт. Его оружие — уникальная связь с инопланетной аномалией. Его поле боя — лабиринт из коллективного сознания и государственных секретов. Его выбор определит не исход расследования, а то, останется ли он человеком, став мостом между мирами.

© Котов Д. В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дмитрий Котов

Инициация фигуры. Серия Брана

Глава 1

Вы можете узнать гораздо больше из проигранной игры, чем от выигранной. Вы должны проиграть сотни игр, прежде чем стать хорошим игроком.

Хосе Рауль Капабланка

Книга вторая **Инициация фигуры.**

Глава первая

Прошел уже почти год с тех пор, как с законсервированной станции «Омега-Странник» пришел загадочный прерывающийся сигнал SOS.

Штатная отработка сигнала группой быстрого реагирования привела к неожиданным результатам. Группа капитана Като полетела на этот вызов к руинам старой станции, а нашла живой кошмар. Биологическая катастрофа, и обнаруженные его командой последствия диверсии ужаснули всех, кто был в экспедиции

А после — глухая тишина секретности. Наверху было принято решение не давать огласку, дабы не обострять отношения с наксами — многовековым планетарным соперником Федерации. Доказать их причастность к этому инциденту не представлялось возможным — прямых улик нет, а показания бывшего начальника станции предателя Квазиленко ныне находящегося в местах не столь отдалённых, всегда можно было представить за признание под давлением.

Теперь от катастрофы на станции осталось лишь кодовое обозначение и красная печать уровня «Альфа». Персонал станции в измененном биокатастрофой состоянии уже почти слился с природой Иврила занимая все больший объем помещений и разрастаясь под биокуполом. Федеральная космическая защита засекретила этот объект. Масштабные исследования и массовые высадки запретили. Никто больше не рискнул проверять, как отреагирует «Стопп» — та самая аномалия, что обитала на Ивриле, на вмешательство в его экосистему. Лишь горстка ксенобиологов, словно сапёры, кропотливо разбирали биологические пробы, фиксируя каждую, даже самую незначительную, перемену в новом состоянии пострадавших людей.

Спустя почти год, после всех этих событий Като был уже на новой должности одного из заместителей начальника КЧС (космической службы по чрезвычайным ситуациям) и в звании полковника. И занят-то он был уже совсем другими делами, но в памяти упорно, как заноза, сидели воспоминание и боль той далекой планеты. Он помнил всё. Помнил запах озона и гниющей органики, помнил, как под огнём неизвестного корабля разлетелась обшивка станции и погибли его люди. Помнил их лица. Помнил то, что осталось от персонала станции, который катастрофа перемолола в нечто иное.

Его шрамы от полученных в той экспедиции травм уже затянулись, но время от времени ныли, напоминая о цене выживания.

— *Медики вытащили меня из ниоткуда,* — думал он, проводя пальцем по старому шраму на скуле. — *Спаси и сохрани их души.*

Уже почти полгода как он был на штабной работе. Он сидел в уютном, но тесном кабинете с видом на московские красоты, но чувствовал себя как Прометей, прикованный к скале. А

начальство, словно исполняя древнюю легенду, по всем поводам и без, методично клевало ему печень. Такая опека, к которой он не привык, поддушивала, но не бежать же ему Герою Федерации в отставку?

Он часто вспоминал то время, когда, ещё будучи капитаном, командиром «Струны-12» сам решал, как вести корабль и когда и где рисковать. Сейчас, уже полковник и Герой Федерации он безнадежно утонул в ежедневной рутине — в отчётах о патрулировании границ отколовшихся анклавов, статистике вылетов и сухих заключениях ксенобиологов. Ранг вырос. Свобода испарилась.

Като сидел просматривал документы, и в каждой строчке, в каждом штампе «утверждено» проступал призрак станции. Кабинетная бюрократия не стирала память — она как будто консервировала её. Всякий раз, когда отчёт о «стабильной динамике аномальных образцов» ложился перед ним, перед внутренним взором всплывала картина той иврильской трансформации, а рука сама тянулась к шраму на щеке — еще одному иврильскому сувениру на память. И где-то в глубине сознания, под слоем отчётов и приказов, тихий голос шептал ему: «это дело ещё не закончено».

По ночам его уже не беспокоили странные сны, как это было первые полгода после аварии, но было навязчивое чувство притяжения, невидимой связи — как будто тончайшая нить тянулась от него прямо на эту загадочную планету.

В один из последних теплых дней осени 2135 года его вызвал непосредственный руководитель заместитель командующего КЧС, генерал-майор с необычной фамилией Ас-Салтий.

В кабинете генерала был безупречный порядок. И, конечно, кабинет был намного просторней его собственного закутка.

Като скользнул оценивающим взглядом по обстановке. Анализировать ситуацию было в его профессиональной привычке космопилота. Хозяин кабинета сидел за массивным столом, на фоне ковра со сдержанным геометрическим узором, видимо очень древнего, висевшего над старинной инкрустированной серебром саблей, и что-то писал.

Внимание Като привлекли ковёр и сабля.

Этот ковёр не украшал стену. Он населял её, являя собой кусочек иной, нездешней реальности. Казалось, что это просто прямоугольник сотканный из плотной, почти каменной шерсти, в сдержанных пастельных тонах цвета индиго, словно вобравшего в себя ночное небо, выгоревшей на солнце охры и тёмно-серого цвета скал в глубоком ущелье. Эта странная часть декора притягивала внимание. Он всмотрелся в узор и его взгляд начал тонуть в сложной, гипнотической геометрии. Рисунок не был вышит — он был словно выращен из самой основы, рождаясь из переплетения тысяч тугих узлов. Это были не цветочные завитушки персидского ковра, а иная суровая, мужская геометрия, языка предков другой более суровой природы.

С усилием оторвав взгляд от необычного узора он перевел его на саблю. Как человек имевший опыт обращения с оружием он определил, что это не бутафория, висящая для красоты, а настоящий боевой артефакт, лежащий на двух массивных чёрных кованых скобах, вбитых в стену. Лезвие на них словно парило в воздухе. Клинок не сверкал — его полированная сталь была матовой, цвета старого, потемневшего льда. По всей длине шли глубокие доли — кровотоки, но в них сейчас застыли тени, а не капли крови. Они придавали лезвию аскетичную, смертоносную грацию. Эфес и ножны были вырезаны из тёмного, почти чёрного ореха. Древесину покрывала тончайшая насечка из тусклого серебра, покрытого патиной. Он видел такое оружие в каталогах коллекционеров — там такой способ инкрустации назывался унцукульским. Узор был таким же строгим, похожим на схему неприступной горной крепости — солярный лабиринт стилизованных растительных элементов, переплетенных в вертикальной симметрии. В навершие рукояти виден был небольшой серебряный орёл, вцепившийся когтями в шар — символ высокого статуса владельца.

На столе, рядом со стопкой докладов КЧС, Като заметил потемневшую рамку с фотографией: молодой офицер и седовласый мужчина в папаше у каменной стены.

Послышался лёгкий звон позолоченного подстаканника. Генерал отодвинул в сторону недопитый стакан чая — казалось в знак того, что разговор будет коротким и деловым.

Однако хозяин кабинета всё-таки предложил и чай и кофе и его дежурные вопросы о здоровье сказанные с необычным, видимо тюркским акцентом, прозвучали не формально как пункты протокола, а с непривычным для военных восточным гостеприимством.

Генерал безусловно относился с уважением к полковнику Като как Герою Федерации, почти как к супергерою с его уникальными способностями, но после истории с Квазиленко Като чувствовал, что его начальник проявляет в разговорах с ним некоторую осторожность.

После короткой церемонии Ас-Салтий сразу перешёл к делу.

— Специалисты по ксенобиологии отметили аномальную активность на «Омега-Странник», — Ас-Салтий почему-то проговаривал название станции без склонения и было ощущение, что в словах он ставит ударения случайным образом, как получится, выделяя интонацией в предложении совершенно неожиданные слова — Биопоказатели стабильно и неуклонно росли последние полгода, но на прошлой неделе график сделал вот такой параболический вылет. «Бомбовый скачок» как я это называю, — сказал он и показал на голограмму на стене. — Целе-направленная модуляция. Ваше мнение?

Като посмотрел на кривую. Что-то необычное он ощущал недели две назад — как-то подавляло виски, как при погружении на глубину и тогда ночью он очень беспокойно спал. Он списал все это на плохое самочувствие и последствия аварии.

— Это не действие мутации. Это похоже на сигнал. — после некоторого раздумья сказал Като. — Требуется более тщательное изучение на месте. Может быть чем угодно, даже реакцией на внешнее воздействие.

— Ас-Салтий кивнул, и его лицо даже выразило участие — В этом-то вся и беда, уважаемый. Пока вы там себе графики изучали и статистику смотрели, наши заклятые друзья постарались и в сегментах сети, связанных с этими альтернативными СМИ, организовали фиктивный вброс. Якобы утечку информации с секретного объекта. — и он показал публикации на экране монитора.

Перед Като возникли кричащие заголовки: «ЛАБОРАТОРИЯ УЖАСА НА ИВРИЛЕ», «ФЕДЕРАЦИЯ СОЗДАЁТ ЖИВОЕ ОРУЖИЕ».

— И фото сюда прицепили: тот кошмар, те самые мутировавшие, а по их фальшивой подаче замученные тела, встроенные в конструктив станции. Только эти снимки старые — им срок полгода. Какой-то шайтан сфотографировал и слил их в сеть. А сейчас, от лица не так давно отделившихся-самоопределившихся от нас стран уже оформлен официальный запрос в Объединенный Совет Экологической Безопасности. Слушай, они совсем совесть потеряли! Требуют на «Омега-Странник» международную комиссию. — голос Ас-Салтия в низком регистре и с хрипотцой начал подрагивать от негодования. — Эти шайтаны утверждают, что мы нарушили пакт о запрете биологического оружия. Я их м... А их спонсоры-наксы лишь подливают масла в огонь! Это что такое, э?!

Като молчал. Он понял, куда клонит генерал-майор.

— Слушайте теперь сюда. Ваша уникальная... восприимчивость к феномену Иврила, — Ас-Салтий тщательно подбирал слова как будто переводил с другого языка, — сделала вас экстраспециалистом, способным провести экспертизу на месте и дать заключение, которое хоть что-то да будет стоять перед лицом международного скандала. Мы должны доказать, что это — результаты не нашей деятельности, а следствие давней диверсии. И сделать это нужно до прибытия комиссии.

Като улавливал подтекст.

— До того, как они сфальсифицируют доказательства против нас. Поэтому, если ваше здоровье в порядке, ваша командировка на Иврил неизбежна. Срочно. И необходима! Команду наберете себе сами, из подобранных вами людей. Но помните, — Ас-Салтий посмотрел Като прямо в глаза, — Теперь за вами наблюдаем не только мы, ваши руководители и наши СМИ, и вы летите не просто в экспедицию, вы летите на передовую гибридной войны. Любое ваше неосторожное слово или действие постараются истолковать как *casus belli*. Вам ясно, полковник?

— Так точно! К выполнению задания и вылету на станцию готов.

Глава 2

В Центре управления полетами, затерянном среди северных широт на Плато Путорана, работа по подготовке закипела сразу же после приказа из штаба. Спешно стали собирать экспедицию на Иврил, но лишь к исходу августа последние приготовления были завершены. Като прилетел проконтролировать и ускорить.

Центр расположился в долине в полукольце очень старых гор. Эти огромные исполины когда-то давно стояли здесь, охраняя долину и видимо устав от своей службы прилегли отдохнуть. Теперь издали было видно только их могучие вековые спины, затянутые редкой северной порослью и густыми зелёными мхами. Сейчас, на исходе августа, они уже накрылись белыми покровами, готовясь к долгой зимней спячке, а из-под покрова молча наблюдали за матово-серыми корпусами Центра, за его мерцающими глазами-окнами, за острыми иглами вышек и антенн, за всем этим чужеродным созданием, вторгшимся в их вековой покой. Наблюдали и словно раздумывали, что с этим дальше делать.

Август на плато, в этом краю озёр, водопадов и каньонов выдался на редкость тёплым и солнечным. Для суровой местной природы такая погода — щедрый дар, просто божья благодать.

В этот последний день перед своим отлетом Като выбрался из кабинетных лабиринтов подышать свежим воздухом. Он пересёк посадочную площадку глайдеров позади Центра и по тропинке углубился за периметр энергогита.

— За самые пределы человеческого мира! — с наигранным пафосом и иронией подумал он. — В этих краях чувствуешь себя как персонаж ожившей сказки. Кажется что вон из тех кустов сейчас выбежит маленький гномик-волшебник и он обязательно выполнит какое-нибудь желание. Главное чтобы это было моё желание а не его.

Като улыбнулся. Ему нравилось здесь. Он не чувствовал тоски по тёплым побережьям. Его всегда тянуло именно сюда на север, в эту первозданную мощь, где красота была меланхоличной и завораживающей, как тишина между ударами сердца.

Под ногой мягко хрустнула ветка. И где-то рядом обеспокоено вскрикнула птица. Като глубоко вдохнул воздух, уже почти утративший летнее тепло, ставший острым и хрустально-прозрачным. В нём чувствовалась знакомая терпкая горчинка багульника, смолистая прохлада кедрового стланика и сырой, глубокий аромат мхов, уже отдававший ночью прохладой.

Последние солнечные лучи заскользили по строгим граням куполов Центра и начали гаснуть в сизой дымке над ущельем.

Где-то вдалеке он слышал ровный шум водопада, который лишь красиво обрамлял глубину этой бездонной, многозначительной тишины. Здесь, на границе лета и осени, время уже замедлило бег, видимо позволяя ему запечатлеть эту красоту и полной грудью вдохнуть ее.

Он шёл прямо по бездорожью по лесной подстилке между невысоких хвойных деревьев и вышел на небольшую поляну к пологому краю обросшего молодыми деревьями склона, где неожиданно открылся красивый вид на излучину холодной реки Хета.

Он вспомнил ковёр на стене Ас-Салтия. Была какая-то неуловимая связь, ощущение что краски и узоры на нём были отсюда. А сам ковер как портал вёл именно на эту полянку. Эта мысль появилась и улетела вместе с внезапным порывом тёплого ветра.

Продолжая наслаждаться суровой природой, он даже начал с ней мысленный разговор.

— Ну что, красотка? В эту самую последнюю неделю лета это все на что ты способна? Это все что ты можешь дать? Это все оставшееся тепло?

— Ему также мысленно ответили: — Да. Поспешь — получи и распишись. И всё. Не жди больше ничего. А что ты ещё хочешь от Крайнего Севера? Все. Уже больше ничего не будет. Вот придешь на следующий год, там посмотрим.

— Ну вот, здравствуй шизофрения! — усмехнулся про себя Като. — Хорошо, что не параноидальная, а скорее идиллическая. Кстати, надо зарегистрировать этот новый вид заболевания — «идиллическая шизофрения». И звучит неплохо и жить с таким диагнозом приятно.

Да и без этого воображаемого ответа уже все было ясно — по всем признакам настоящее лето сдалось и отступило, а на его место пришла всего лишь эта подделка — короткое северное бабье лето.

Да! Да! Подделка! Вычурно-цветастая, с яркими, насмешливо-фальшивыми тонами, изменчивая и капризная как гламурная выбражуля, которая постепенно уже начала скидывать с себя весь свой наряд и медленно обнажаться. Вот сейчас примерит на себя белые меха и на прощание сделает всем ручкой.

— И я тоже оставляю всю эту красоту! — Като мысленно уже прощался с уже родными для него местами собираясь в свою дальнюю экспедицию.

Вчера по внутренней видеосвязи он переговорил с Элен и сообщил ей, что у него готовится первый после реабилитации вылет. Не сказал куда, было нельзя, да и не хотел ее беспокоить. Но, по-моему, она и сама догадалась и по голосу было слышно, что она переживает.

Он несколько раз за эти полгода штабной работы на Земле прилетал к ней в ее крымский санаторий «на плановую психофизиологическую диагностику». Раньше за всю свою службу до травмы он ни разу на такой диагностике не был, хотя подчинённых своих туда постоянно гонял, а если они пропускали такую проверку, то получали на орехи. Сам же он всегда ссылаясь на своё отличное здоровье и шикарные показатели. Но после того, как главврачом там стала Элен — бывший штатный медик его команды, он почувствовал неодолимую тягу к постоянным проверкам.

Он вспомнил свой первый прилёт туда. Элен тогда встретила его не в белом халате, а в элегантном брючном костюме. Её лицо излучало какую-то новую уверенность, даже девичий капризный вызов, но в глазах была радость и такой трепетный и такой понятный вопрос: — нравлюсь?

— Как я тебе в новой ипостаси? — с гордостью в голосе тогда спросила она.

— У Като аж дух захватило. — Я тебя никогда такой не видел.

— Я теперь все время буду такой. Привыкай. — ответила она демонстративно кокетливо поправляя воротничок темно-синего жакета. Костюм облегал ее красивую фигуру с совершенными женскими формами, подчёркивая стройность и дополнительно придавая ей неприступную строгость.

Вечером того же первого дня, который стал испытанием их терпению, они уже в лифте на её служебную квартиру, несмотря на вездесущие камеры, жадно целовались. Неистовые и голодные, почти с животной страстью жаркие объятия довели их почти до безумного состояния. Он чувствовал мягкие округлости ее тела и запах, ее запах — она почти не пользовалась духами и этот ее запах до обморока кружил ему голову. Всё невысказанное за эти месяцы вылилось в одну эту ночь — и страсть, и нежность, и радостные слёзы облегчения.

— Какой ты жаркий. — с улыбкой вытирая слёзы сказала она отодвинувшись, чтобы повнимательнее рассмотреть его в темноте спальни.

— Во мне работает генератор сердечного тепла. А запускаешь его ты. — Като поймал ее волну мысли и шутливо вернул ее обратно...

— ХГР-Р-Р-РААААУ! — громкий горловой рёв и треск ломающихся веток прервал возбуждающе-приятный и неспешный ход его мысли и вернул его в суровую реальность.

Като вздрогнул от неожиданности. Ломая кусты гигантскими скачками по дуге неуклонно сокращая радиус прямо на него, неся огромный седой медведь. Видимо, пока Като шел к реке он нечаянно забрел в его охотничьи угодья.

Мгновенный впрыск адреналина в кровь и инстинктивный прыжок с пути движения зверя — хорошая реакция натренированного тела спасла его от смертельного удара. А далее произошло невероятное: медведь рухнул на живот и юзом проскользил мимо собирая мордой мох, мелкий кедрч и хвою и из его разрубленной шеи на землю захлестала кровь.

А в руках у Като медленно растворялся темно-серый матовый клинок с темными кровотоками знакомой ему древней инкрустированной сабли с серебряным орлом на шаре. Медленно исчезая, она словно уходила куда-то в другое измерение.

И только тут Като по-настоящему испугался. Не нападения, не убийства зверя — он испугался своей мгновенной, неосознанной и неконтролируемой реакции.

Он с удивлением смотрел на свои руки и пытался понять, что произошло.

— Этот ниоткуда появившийся смертоносный клинок в его руке. Откуда? И эта агрессия, будто не моя. Как это может быть? — мысли путались в его голове.

— Реакцию медведя понять несложно — он мог защищать свою территорию или спрятанную добычу, мог напасть от испуга неожиданной встречи. — сердце скачками замедляло свой бешеный ритм. Заломило виски.

— И моя реакция оправдана, вопросов нет. Я защищал свою жизнь в состоянии аффекта. По-моему, так это квалифицируют юристы. Но это точно никак не объясняет ни появления клинка, ни моего молниеносной и почти неконтролируемой реакции. Это как? И где и когда ещё это может проявиться?

И тут он услышал короткие высокие звуки, похожие на перемежающийся визг: «иу», «ау» — шли они, скорее всего, от двух разных источников. А затем увидел в подлеске двух медвежат, сеголеток, видимо, родившихся прошлой зимой.

— Значит, это была медведица. Вот кого она защищала...

У Като бессильно подогнулись колени, и он медленно опустился на землю.

Глава 3

Все документы о *плановой* инспекции объекта «Омега-Странник» были уже подготовлены и подписаны командующим генералом КЧС Кирулевым.

Происшествие у Центра управления полётами списали на несчастный случай, но сами собой поползли слухи о мгновенной гибели огромного хищника при случайной встрече с полковником. Этот инцидент добавил таинственности образу Като, к его загадочной личной истории, связанной со станцией «Омега-Странник», и его странной связи со Столпом, легендарным артефактом Иврила.

А у него до сих пор перед глазами, будто в замедленной съемке, огромный седой медведь оседал с разрубленной шеей появившимся смертоносным клинком. Лезвие появлялось из ниоткуда, как продолжение его руки и исчезало в никуда будто обладая собственной волей.

И еще его не покидало ощущение пространственного перехода, который на таких кораблях как его Струна-12 использовался, но только на дальних перелетах и с большими энергетическими затратами, а вот так протянуть руку попасть в иное пространство

Медвежат определили в питомник под тесную опеку экологов. Все сделали быстро и без малейших проволочек. Подготовка к экспедиции тоже была закончена.

Като понимал: командование КЧС планировало эту вылазку на Иврил давно. Ждали только, пока он достаточно окрепнет для тягот полёта. Враждебный инфовброс о бесчеловечных опытах лишь подхлестнул сроки, сжав график подготовки до предела.

По поводу остальных членов экспедиции у Като сомнений не было, его выбор был вполне естественным — прежний экипаж, но уже в обновленном составе и его бывший корабль «Струна-12» ждали на лунной базе близ кратера Шеклтон на Южном полюсе Луны.

12 ноября 2135 года, 10.15 Lunar Space Elevator начал подъем. Десять часов пути и после офисных застенок Като почувствовал себя как вырвавшийся на свободу заключенный.

От встречи в порту он отказался – ему хотелось окунуться в привычную среду и атмосферу и добраться до базы самому.

Перед посадкой на рейсовый экспресс Като зашёл в международный бар «Два болта» там же в порту. Злачное место встретило его гомоном, спёртым воздухом, густым запахом жареного стейка и острых специй.

Заведение славилось двумя вещами: сносной кухней и барменом с необычным никелировано-блестящим бионическим протезом руки. Шестипалый Ник готов был поддержать разговор на любую, даже самую скользкую тему.

Пилоты со всего света любили заглянуть сюда сразу по прилету и замахнуть рюмашку другую или перед ним и просто окунуться в привычную атмосферу, повидать друзей и почесать языками. И Като зашёл перекусить, разогнать кровь горячим глинтвейном и послушать живые новости — те, о которых не пишут в лентах. Но его ожидал иной сюрприз.

Она сидела за стойкой, звонко смеясь и оживлённо беседуя с каким-то подозрительного вида типом, по-видимому, контрабандистом. Чувственные чуть припухлые губы, аккуратная кукольная головка на длинной шее, стройная, почти худощавая фигура, обтянутая полуспортивной одеждой, будоражила воображение. Рыжие волосы светились под ультрафиолетом, словно пламя в пустоте. Като заметил камеру-дрон, спряденную с ее волосами — имелась у него такая полезная привычка подмечать детали, она, возможно, досталась ему по наследству.

Журналистка. В летной среде таких звали «стервятниками», или «падальщиками». О них говорили: «чем больше крови, тем выше гонорары», но эта... смотрелась немного иначе. Поведением она напоминала пацана из подворотни — дерзкий, насмешливый взгляд лишь укреплял это впечатление.

— Эй, герой! — ее бархатный грудной голос перекрыл гул заполненного пилотами бара. — Даже твоя тень слишком мрачна для такого места. Подсаживайся, куплю тебе выпить.

Он хотел отказаться, но медальон с голограммой его родителей, подаренный ему Ойгеном его наставником, вдруг нагрелся у него на груди. Знак.

— Только не местную отраву, — откликнулся Като, садясь. — Глинтвейн. Нордик.

— Глинтвейн? — она насмешливо подняла бровь. — Да ты либо монах, либо шпион.

— Ага. Монаховый шпион. А ты местная тарелочница наоборот, всех за свой счёт угощаешь? И, по-моему, я где-то тебя видел? Не в розыске? — настроение после прилета было отличным и Като хотелось им поделиться.

— Неспешно с демонстративным бульканьем потянув свой коктейль через трубочку, она пила «Марсианский закат» — гремучая смесь жидкого азота, байцзю и крови королевского питона, немного растягивая слова она ответила: — Слишком банально для подката, Като. Но я сама напросилась. Я Лира — *журнализди* мне нужен *сэкслюзив*. — она пьяно хихикнула. — О том, как КЧС скрывает правду об иврильской трагедии. И о твоих родителях.

— Ого! Это уже напряжно — это как вызвать родителей в школу. — он посмотрел на неё с интересом. — Кто ты, чудо-чудесное? И с чего ты взяла, что я буду перед тобой исповедоваться?

— Дочь Калеба и Юки, Като-Мост — вызывающе дерзко улыбнулась она. — Да шучу я! Расслабься. Я просто журналистка. Меня прикрепили к твоей экспедиции — создавать правильный медийный фон.

Но её глаза говорили больше — в них маленьким бесенком скакали огоньки ненасытного любопытства.

Она угостила его мескалем с ломтиком апельсина с *sal de gusano* — солью, сделанной червями и вкусной историей этого напитка. Здесь Лира попала в точку — Като любил всякие такие истории и близость дерзкой и сексуальной красотки волновала его. Рядом с ней он чувствовал вызов и лёгкую опасность, что только подстёгивало к ней интерес.

А затем потянулся неспешный разговор обо всём и ни о чём. Она общалась то нагло и снисходительно, то как-то по-детски заигрывая с ним и была иногда томной и игривой, а иногда дерзкой и вызывающей.

Периодически она вставляла в свою речь слово из табуированной лексики маргиналов означающее детородный мужской орган и заметив, что Като корбит слышать такое от молодой девушки — этот низкий слог никак не вязался с ее внешним видом и кукольным личиком, она специально поддразнивала его. Её это забавляло.

Со стороны улицы в бар вошли двое. Вошли стараясь не выделяться, но Като, не прерывая беседы, отметил их мгновенно. Его наметанный глаз выделил их из общего фона пестрой толпы. Двое. На фоне посетителей — разговорчивых пилотов-дальнобойщиков, угрюмых грузчиков, пары нейронаркодилеров они выделялись чёткой осанкой и выверенными, экономными движениями. Чувствовалась военная выправка. Не просто служба по контракту, а глубокая, въевшаяся в мышечную память военная школа. Продолжая непринужденную беседу с Лирой, он уже не выпускал их из виду.

— ...так я и сказала этому недоделанному, что если его таможенный сканер не видит разницы между кибер-имплантом и контрабандой нейростимуляторов, то ему нужно не мои нейросети проверять, а своё замшелое ПО нах.. снести и установить новое, актуальное — Лира прикладывалась к коктейлю и болтала не останавливаясь.

Като, кивая, слушал ее вполуха и улыбался уголками рта, но всё внимание держал на двух фигурах — они встали за стойкой бара у входа. Первый, покрупнее, как бы невзначай медленно просканировал зал взглядом, будто считывая тепловые сигнатуры, а не лица. Второй, пониже, стоял рядом и о чем-то неторопливо с ним разговаривал, его левая рука находилась

в левом боковом кармане мешковатой ветровки, правый карман ветровки был оттянут каким-то тяжелым предметом.

— Ты меня вообще слушаешь, Мост? — Лира склонила голову набок, и рыжие пряди скользнули по её щеке.

— Ага. Всё слышу. Интересную историю про таможенника и устаревшее ПО, — отозвался Като, его голос оставался ровным. — Лира, как быстро ты умеешь исчезать?

Её глаза сузились. Журналистское чутье уловило смену тона.

— Это теоретический вопрос или уже стартует практика? — Она потянулась за бокалом, не меняя позы.

— Самая что ни на есть практика. Прямо сейчас буду принимать экзамен. У входа два скучающих гостя. Не наши. И очень целеустремлённые.

Взгляд Лир метнулся к полированному бордюру стойки, где как в тусклом зеркале отражалась часть зала. Она их увидела.

— Друзья-конкуренты? — уточнила она без эмоций.

— Нет. Коллеги-оппоненты. И они пришли не договариваться.

В этот момент Первый, крупный, скользнул взглядом по Като. Взгляд, холодный и плоский, как лезвие, никаких эмоций. Просто сканирование целей. Его рука тоже скрылась в кармане.

— *Если это по мою душу, то как-то слишком нагло. Никакой интимности. Здесь, для душевного разговора слишком много свидетелей,* — пронеслось в голове у Като.

— Лира, быстро ныряй под стол! — в его голосе зазвенела сталь, хотя лицо осталось спокойным. Со стороны это могло сойти за флирт.

Но было уже поздно.

У Второго-щуплого наёмника загорелся индикатор височного нейроимпланта, видимо он принял сигнал. Он вынул из кармана не оружие, а всего лишь небольшой чёрный цилиндр, похожий на фонарик и щёлкнул им один раз. Ни звука, ни вспышки. Однако все голограммы, рекламные ролики над баром, навигационные подсказки у потолка, даже интерфейс голопланшета у Лир — погасли. И потух свет. Глушитель поля. Профессиональный, зонный.

В баре на секунду воцарилась тишина, нарушаемая только шелестом останавливающихся лопастей системы вентиляции. Потом кто-то крепко выругался: — Э! Че за хрень?! Че происходит?

Второй-Щуплый двинулся вперёд. Первый, который был помощнее тоже вынул руку из кармана, и в ней блеснул компактный, почти игрушечный пистолет с мощным подствольником. Оглушительный выстрел и с потолка посыпались мелкие фрагменты композита.

Адреналин ударил Като в виски и мир замедлился. Одним движением он скинул Лир со стула, толкнув ее за массивную стойку бара.

— On the floor everybody! This is a robbery! — рявкнул Первый хриплым, не терпящим возражений голосом, с явным южнорусским акцентом. Его окрик быстро подавил начавшуюся панику.

Здоровяк заблокировал металлизированной стяжкой выход и потянулся к характерным выпуклостям под мышками открывшегося под ветровкой кевларового жилета.

Одновременно раздался второй выстрел и характерный хлопок вторичной детонации. У противоположной стены появилось густое белое облако. Оно поползло вниз, накрывая все словно живое, смертоносное покрывало.

Като задержал дыхание и рванулся за стойку, приземлившись рядом с Лирой.

Мозг работал с холодной ясностью: — *Главный вход заблокирован. Кроме главного входа, есть ещё один, служебный. Для персонала порта. Он ведёт внутрь терминала. На ограбление это не похоже — слишком кардинальные действия. Значит цель у них какая-то иная. Нужно немедленно нейтрализовать нападающих пока они не реализовали свой план. Газ основная*

угроза — система вентиляции отключена. Интересно, а та фишка сработает? Тот северный вариант решения вопросов очень бы здесь пригодился. Иначе придется отбиваться поварешкой и поварским ножом Ника. Кстати, где он сам? — все это за секунду пролетело в его голове.

— Ты как?

— Охренеть, — шумно выдохнула Лира, прислонившись к стене. — Это... не ограбление. Это похоже на зачистку.

— На изоляцию цели, — поправил её Като. — Глушитель связи и газ. Если это по мою душу, то свидетели им не нужны.

— Какой ты эгоист, — фыркнула Лира. — А почему не за мной? У меня тоже немало интересных и ревнивых друзей.

— Не возражаю. Готов поделиться популярностью, я согласен — целью будешь ты. — сказал он шепотом. — Ну как? Полегчало?

Он выглянул снизу из-за угла стойки бара. Белое облако газа уже накрыло дальнюю половину зала и постепенно двигалось к ним, люди падали кашляя — анестетик быстрого действия работал мгновенно. Двое, один уже в защитной маске, второй без неё, что выдало в нём *нежить*, шли сквозь этот ад, как призраки, не обращая внимание на остальных.

Решение пришло мгновенно. Като, прикрываясь стойкой, переместился навстречу нападающим. Здоровяк прошёл мимо, подставив спину. В этот миг Като материализовался из темноты. Не было ни широкого замаха, ни яростного рыка. Просто короткое, точное движение руки. В ладони сгустилась матовая серая пелена, оформившаяся в узкий, изогнутый клинок — сначала эфемерный, затем смертельно реальный.

Клинок вошел у основания черепа с тихим, влажным звуком, похожим на разрыв плотной ткани. Тело обмякло и мешком свалилось в проход. Като не испытывал ничего, кроме ледяной, отстраненной концентрации. Угроза номер один нейтрализована. Никакой ярости, никакого аффекта — только чистая, безэмоциональная эффективность машины, внезапно вспомнившей свое прямое назначение.

Второй наемник резко развернулся, но Като был быстрее — коротким косым ударом он рассек соперника наискось надвое. Верхняя часть тела начала съезжать с нижней и неуклюже валиться набок, разворачивая ствол пистолета в сторону барной стойки. На рассеченных частях, толчками пульсируя и брызгая в разные стороны на гранитный пол бара начала выплескиваться голубоватого цвета жидкость.

— *Антропоморфный дрон с искусственным интеллектом — он шел в тандеме со здоровяком — пролетело в голове у Като. — Но они же со времени последней войны запрещены. Их использование для любых целей приравнивается к терроризму.*

И тут Лира совершила ошибку. Вместо того чтобы оставаться в укрытии, она попыталась дотянуться до упавшего в метре от неё пистолета. Видимо она посчитала что здоровяку он уже не нужен, а ей сейчас он будет в самый раз.

Робот, уже почти потерявший равновесие уловил движение сбоку. Рефлекторно — эти боевые модификации отличались мгновенной реакцией, он нажал на спуск подствольного гранатомета.

Миниатюрная 33-мм светошумовая граната вылетела, ударилась о низкий потолок и срикошетила. Взрыв с ослепительной вспышкой, сопровождающийся оглушительным грохотом и взрывной волной, отражённой стенами, ударил, как дубина.

Като увидел, как Лиру отбросило к стене. Она прилетела в нее головой и плечом, глухо охнув. Осколки просвистели в воздухе. Один чиркнул по ее щеке, оставив длинный красный штрих. Другой впился в предплечье, застряв в толще куртки.

Машина, выполнив последнее действие, обездвижилась. Включился свет и шумно заработала аварийная вентиляция, активно удаляя газ.

— Лира! — Голос Като прозвучал эмоциональней, чем он того хотел. В одно движение он был рядом с ней, отбросив все предосторожности. Он придержал ее, аккуратно подложив ладонь сзади головы. В его глазах, еще секунду назад безжалостно холодных и жестоких, вспыхнула искра острой тревоги и сопереживания.

Она моргнула, зажмурилась от боли, прижав ладонь к порезанной щеке. Когда отняла руку, пальцы окрасились алым. Её взгляд, слезящийся от яркой вспышки, был мутным, но сознание явно не покинуло её.

— Чёрт Звенит, — прошептала она, пытаясь фокусироваться на его лице. Потом её взгляд снова упал на её собственную окровавленную ладонь. И слабый, сдавленный звук, больше похожий на стон, но в уголке её рта дрогнула что-то вроде усмешки. — Наконец-то настоящая боевая отметина. Непохоже же на кошачью царапину, правда?

Като, облегченно выдохнул. Рана была поверхностной. Неопасной. Глупой.

— Идиотка, — проговорил он беззлобно, взяв со стола пучок салфеток. — Куда полезла? Я сказал «стать невидимой», а не лезть в бутылку.

— Показался удобный момент, стырить красивый пистолет — она позволила ему прижать салфетку к её щеке, зажмурившись от нового приступа боли. Её голос был слабым, но упрямым. — Хотела оскопить ублюдка. Не срослось. — Она посмотрела на осколок в рукаве. — Куртка дорогая. Испортили ссуки.

Теперь, когда адреналин начал отступать, она слегка дрожала. От шока, от резкой боли, от осознания, как близко прошла смерть. Като это видел. Он закончил с первичной обработкой быстрыми и уверенными движениями.

— Держи, — он вложил её руку в свою, заставив прижимать салфетку к ране. — Придавливай. Это остановит кровь. Сможешь идти?

Она кивнула и оперлась на него, чтобы встать. Её обычная дерзкая самоуверенность на миг уступила место простой человеческой слабости и доверию к тому, кто только что подарил спасение убив опасного преступника и обездвижив смертельный механизм.

— А если не смогу. Ты же не бросишь тут свою встроенную хроникершу с испорченным лицом, да? — она пыталась шутить, но голос сорвался.

— Не брошу, — сказал он.

Люди, вдохнув чистого воздуха начали постепенно приходить в себя и подниматься с пола.

— Здесь больше делать нечего — вечер перестал быть томным — сказал Като, и они выбрались через служебный выход в терминал.

Глава 4

Вечером Като и Лира прибыли на военную базу Федерации Луна-2 — лунный космодром на пике Вечного света.

Уже там они узнали, что с международного терминала примерно в то же время, когда было нападение в баре, угнали военный крейсер. Сложили дважды два и стала понятна конечная цель ликвидированного ими в баре тандема. Это была часть одновременно прорывавшейся к крейсеру группы.

Лиру он сдал в госпиталь — нужно было обследовать и подлатать ее повреждения перед дальней экспедицией. Сам же направился в ангар, где стоял его родной корабль Струна-12, капитаном которого он был несколько замечательных лет.

Он спешил поздороваться со своим верным другом, кораблем обладающим своим характером, немного капризным, но верным и со своею почти человеческой душой.

Ангар был центральным и самым большим на базе. Он постарался незамеченным проникнуть внутрь, ему хотелось появиться внезапно, хотя он знал, что его прибытия ждали.

Красотка Струна стояла во всем своем ослепительно-грозном великолепии и сверкала серебром борта, готовая к любым танцам на любом краю мироздания. Като похлопал старушку по борту.

Все уже были на мостике — собрались к его прибытию. Вся его команда, с кем он уже множество раз летал и кому он неоднократно доверял свою жизнь.

Всем этим пёстрым составом теперь управлял все тот же капитан Флай, но теперь уже не в должности заместителя, а в должности командира группы быстрого реагирования. Добавившийся год к его уже предельному для оперативной работы возрасту добавил и седых волос в его богатую шевелюру и усы и это очень ему шло.

Правой рукой капитана стал Грава — новая должность соответствовала его суровому гарибальдийскому профилю и явно нравилась ему. Его важный вид — выразительные черные усы и борода тянули даже не на атрибут помощника, а, бери выше — на целого бывшего капитана. Так и казалось, что сейчас он выпустит кольцо дыма из несуществующей трубки и скажет: «Знаю — плавал! Отдать швартовы!» — хотя значения этих слов сам Като представлял себе смутно, но ему казалось, что что-то подобное должны были говорить старые морские волки.

— Кстати, почему это волки морские? Ладно, морская свинка — сухопутная зверушка с таким странным именем хоть существует. А эти-то, кто? Занятно, но непонятно... — Като мысленно цеплялся за незнакомые слова, всплывавшие в его сознании. Привычка искать и узнавать потерянные смыслы устаревших слов для его отнюдь не преклонного тридцатичетырёхлетнего возраста делала его интересным мужчиной с необычным хобби.

Вакантные места погибших в последнюю экспедицию на Иврил, Призрака и Шёпота — заняли новые оперативники: Сименс и Трибб. Только что выпустившиеся, но прошедшие жесткий отбор лейтенанты. «Зелёные как хрен у лягушки» — Като где-то выкопал эту фразу — и теперь она легко всплыла в его голове и прилипла к этим юнцам.

Новый доктор вместо Элен, высокий, худощавый мужчина. Лерой. Был виден издали из-за его выдающегося роста и его черной, почти угольного цвета кожи. Такой черной, что в темноте искать бесполезно. Его плавные, почти танцующие движения, тип телосложения и цвет кожи выдавали в нём присутствие хорошей порции африканской крови.

Остальные члены команды за то короткое время, когда Като видел их в последний раз, почти не успели измениться:

Все тот же рыжийхотьприкуривай Искра и его неизменно такой же яркий комбинезон.

Тот же Слон, как гора нависающий над всеми. То ли охранник-страж, то ли курицанаседка, пытающаяся закрыть всех своими крыльями. Кажется, за год он стал ещё больше.

Болтун постоянно довольный и улыбающийся в своей вызывающей кожаной ретро-куртке-косухе, совсем не по-дружески приобнявший Асель, стоявшую с невозмутимым лицом японской миниатюрной скульптуры.

Като, глядя на эту парочку, подумал: — Это что, уж НАСТОЛЬКО сильно сплотился экипаж? Ну что ж. Ну ладно. Это не мое дело.

Как всегда, оригинально-зеленоволосатая... нет, не так - изумрудно-волосая Берн...

— Стоп, а это что ещё за неуставняк? Откуда животные на корабле? — рявкнул Като, хотя вопрос был риторический — именно из капюшона Берн выглядывал и от окрика чуть не вывалились пушистый серый как придорожная пыль котенок.

— И уже по привычке Като выдал: — Смирно! Совсем распустились! Флай, что за бардак на корабле!?

— Господин полковник, — спокойно ответил Флай стоявший у центральной консоли. — Я все согласовал и с нашим командиром дивизиона и по научной линии тоже. Этот кот — часть эксперимента «Влияние животных на микроклимат в экипаже при длительных экспедициях».

— Он соблюдает и Устав, и субординацию. — едва слышно исподлобья пробубнила Берн. — А ещё он не “животное” — его зовут Пуфи... рядовой Пуф...

Как только инцидент с домашним хищником был исчерпан, вернулся задумчивый разговор, не обошлось и без объятий; только новички стояли чуть в стороне — они ещё чувствовали себя неуверенно. Остальные, нарушая субординацию, обнимались со своим командиром и старым боевым товарищем. Но старались делать это бережно, памятуя о его не так давно заживших ранах.

Когда сбили охотку и наговорились, Флай захотел определить Като в капитанскую каюту, уступив своё место, но тот отказался в пользу капсулы медблока, сославшись, что ещё хочет подстраховаться, чтобы, на всякий случай, при перелёте вся необходимая медпомощь была под рукой.

Вечером на базу прибыла Лира и он представил ее экипажу как внештатного члена экспедиции от агентства Спутник центрального медиахолдинга Федерации.

Утром следующего дня

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.